

Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия

Переводчики и переводы в России

до начала
XVIII столетия

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

Переводчики и переводы в России

до начала
XVIII столетия

Материалы
12 Международной конференции
«Комплексный подход
в изучении Древней Руси»
11–15 сентября 2023 г.

Выпуск 3

Москва
2023

**Перевод как вариант адаптации текста
(на материале сборника «Альфа и Омега»,
40-е гг. XVII в.)**

В силу историографической инерции в работах по истории русской культуры главенствуют представления о том, что интерес московской просвещенной аудитории к наследию югозападнорусской литературы и книжности появился после церковной реформы, в период становления русского барокко. Исследования последних лет ясно показывают, что эти процессы начинаются гораздо раньше, в 1620–1630-е гг., приобретая все большие масштабы именно в годы, предшествующие реформе патриарха Никона. Центром взаимодействия двух культур был московский Печатный двор, находившийся в то время фактически под патронажем царского духовника Стефана Внифантьева; именно тогда тексты, напечатанные в типографиях Вильно, Киева, Львова появились в московских изданиях канонического, катехизического, полемического и даже богослужебного назначения [Андреев, 2021; Белякова, 2011, с. 103–105; Корзо, с. 292–404; Опарица, 1998; Савельева, 2021с, с. 70–72].

Через посредство книжности Юго-Западной Руси в Москву попадали не только канонические и богословские сочинения византийских авторов, переведенные с греческих и латинских изданий европейских типографий, но и созданные в православных кругах ВКЛ переводы памятников современного европейского богословия и схоластики. Эти переводы, отчасти опубликованные позднее в Москве в пореформенных изданиях («Скрижаль», 1655–1656; «Анфологион», 1660), появляются на Печатном дворе в дореформенное время, демонстрируя тем самым единство истоков и направленности московской издательской политики середины XVII в. [Савельева, 2021b; 2022a].

В условиях двуязычия, ставшего основным фактором существования югозападнорусской литературной культуры XVI–XVII вв.¹,

¹ Здесь и далее я пользуюсь терминологией Б.А. Успенского и опираюсь на его выводы о соотношении языков в литературном процессе Юго-Западной Руси XVI–XVII вв. [Успенский, с. 64–82].

памятники книжно-литературной традиции Киевской митрополии могли сочетать в себе несколько языковых пластов: церковнославянский язык великорусской редакции (прежде всего, переводы острожской традиции), церковнославянский язык югозападнорусской редакции с преобладанием элементов южнорусской или западнорусской среды бытования, и, конечно, «просту мову», «русский язык» — особый язык, получивший статус литературного, на формирование которого повлияли образцы деловой государственной письменности Юго-Западной Руси и диалектные особенности разговорного языка южных и западных районов ВКЛ. Эти языковые пласты имели определенное функциональное разграничение. На церковнославянском языке переводились и издавались тексты Писания и святоотеческого наследия. «Русский» язык («проста мова»), находящийся в оппозиции к церковнославянскому как языку книжной учености, был прежде всего языком авторских сочинений югозападнорусских писателей, толковых текстов, отдельных образцов прямых переводов и отредактированных переложений современных трудов европейских богословов, а также авторских и типографских разделов книг, напечатанных в Киевской митрополии — предисловий и послесловий к изданиям Писания и комментариев в богослужебных книгах.

Освоение наследия этой культуры московской аудиторией требовало адаптации ее образцов к восприятию в новой среде. Несмотря на то, что тексты югозападнорусской традиции, написанные кириллицей, интуитивно были понятны великорусскому читателю, их вливание в московскую книжность должно было сопровождаться трансформацией, приспособляющей новые тексты к великорусским языковым нормам. Неоднородность языка заимствованных текстов предопределяла и разнообразие методов работы с этими памятниками — от элементарной, подчас просто корректирующей реалии источника, редактур и языковой коррекции элементов церковнославянского языка югозападнорусской редакции [Савельева, 2021с, с. 70–71] до прямого перевода, в котором нуждались прежде всего тексты, написанные на «простой мове», изобилующей полонизмами, грецизмами, латинизмами и югозападнорусской диалектной лексикой. Именно в годы, предшествующие церковной реформе, на московском Печатном дворе решались вопросы о принципах работы с новыми текстами и создавались первые опыты такой адаптации.

Изучение проблемы взаимодействия двух культурных традиций неизбежно приводит к вопросам о реальных связях и реальных людях, способствовавших этим связям и осуществлявших прямые контакты между центрами разных традиций. Одной из таких личностей был игумен Бизюкова Крестовоздвиженского монастыря иеромонах Гедеон. Его имя названо не так давно [Савельева, 2011], но сборники, созданные им в 1640-е – нач. 1650-х гг. («Книга о вере», «Альфа и Омега», «Зерцало духовное»), бывшие прежде анонимными, хорошо известны исследователям и пользуются до сих пор авторитетом в старообрядческой среде. В большей степени это относится к первым двум книгам, история которых напрямую связана с московским Печатным двором. Обе книги попали в Москву в самом начале царствования Алексея Михайловича, возможно, при протекции Федора Михайловича Ртищева, с которым, судя по некоторым документальным сведениям, иеромонах Гедеон состоял в родстве. Обе книги были одобрены царем и предназначались в Москве к публикации, о чем имеется достоверное свидетельство конца 1647 г. [Савельева, 2011, с. 114–115]. В итоге издание «Книги о вере» вышло в 1648 г., работа над сборником «Альфа и Омега» не была завершена.

Обе книги иеромонаха Гедеона изначально были адресованы западнорусскому читателю и написаны преимущественно на «простой мове» и, отчасти, на церковнославянском языке великорусской и западнорусской редакций; языки, использованные в архетипе каждой книги, напрямую зависели от источников этих компиляций. Появившись в Москве, каждый сборник прошел этап адаптации текста для великорусской аудитории.

Еще в работах исследователей XIX в. было установлено, что «Книга о вере» – компиляция в 30-ти главах, в которой вопросы защиты ортодоксального православия излагались в ясной и доступной для понимания форме, – почти полностью представляет собой отчасти дословное воспроизведение, отчасти авторское реферирование (переложение) памятников югозападнорусского богословия кон. XVI – 1-й трети XVII в.: «Палинодии» Захария Копыстенского (1622), «Апокрисиса» Христофора Филалета (Острог, 1598), «Книги о вере» Азария (Захария Копыстенского) (Киев, 1620), «Книжицы в шести отделах» Василия Суражского-Малющицкого (Острог, 1598); итог этим источниковедческим разысканиям подведен в монографии Т.А. Опариной, здесь же собрана исчерпывающая библиография по теме [Опарина, с. 243–284]. В авторском варианте

книги, созданном иеромонахом Гедеоном в 1644 г., реферирование источников, созданных югозападнорусским языком, также было выполнено на «простой мове». В то же время, здесь имелись тексты и на церковнославянском языке великорусской редакции, и это были эксерпты из источников, вошедших, наряду с сочинениями югозападнорусских полемистов и типографов, в собственные авторские компиляции иеромонаха Гедеона, прежде всего, в раздел «О пьянстве» (гл. 15) и гл. 16 «О церковном пении» [Казанцева, 2013; Савельева, 2021a]; в архетипах всех своих сборников иеромонах Гедеон сохранял язык источников.

В Москве был издан перевод «Книги о вере» на церковнославянский язык великорусской редакции, перевод, очевидно, подготовленный на Печатном дворе. Изданный текст характеризуется не только ошибками в передаче оригинала [Опарина, с. 263–265], но и особенностями, присущими московской книжно-литературной традиции. Эти особенности отразились прежде всего в самостоятельных компиляциях иеромонаха Гедеона. Созданный в Москве перевод текстов, заимствованных в гл. 16 «О церковном пении» из книг, напечатанных в Киеве, в том числе из авторских предисловий киевских типографов, отдалял переведенный вариант подборки от его источников. Наиболее ярким примером такой трансформации текста было изъятие из него слов на греческом языке, который не использовался на московском Печатном дворе, и замена их соответствующими славянскими переводами, приводящая к тавтологии. Неточность в следовании источникам, характерная для московского издания сборника, вызвала даже некоторую негативную оценку «Книги о вере» в современных исследованиях и отказ в признании самостоятельности авторской работы ее составителя [Казанцева, 2013]. Тем не менее перевод сборника, вышедший в Москве, был достаточно ясным и легко воспринимался московской аудиторией, так что книга сразу была востребована и послужила источником для сочинений «ревнителей благочестия» [Савельева, 2021с, с. 75–77; 2022b]. Все нюансы и особенности печатной «Книги о вере», по-видимому, следует относить к практике московских переводчиков дониконовского периода, имевших в работе над этим сборником один из первых опытов приведения текста югозападнорусской литературной традиции к языковым нормам московских изданий.

Иная история адаптации текста для московской аудитории представлена в работе над второй книгой иеромонаха Гедеона, гораздо более сложной по числу и разнообразию источников, исполь-

зованных при ее создании. И в этом случае мы имеем возможность проследить пути и варианты трансформации исходного текста, предпринятые ее западнорусским автором. Сборник, известный нам под заглавием «Альфа и Омега» (первоначальное авторское название — «Изображение истинного христианского жития, паче же иноческого») — это нравственно-дидактический и дисциплинарный монастырский сборник, представляющий собой подборку выписок из Священного Писания и святоотеческих поучений, а также сочинений древнерусских, западнорусских и европейских авторов о христианских добродетелях и иноческом подвиге; все материалы собраны в 90 глав, расположенных в алфавитном порядке. Первоначальный вариант, адресованный западнорусской аудитории, был завершён в 1645 г. Очевидно через Керженец этот текст попал в старообрядческую среду и распространялся в XVIII–XIX вв. в рукописных списках, в основном, поморской традиции. Один из таких списков со всеми его языковыми особенностями лег в основу издания книги старообрядческой типографией в Вильне в 1786 г. Второй, адаптированный для московской аудитории, вариант сборника датирован 1647 г., он известен по двум идентичным по почерку спискам, созданным в это время на Печатном дворе² и ряду восходящих к ним более поздних списков. Итогом рукописной традиции этого варианта книги, истоки которого восходят к материалам Печатного двора, стало издание текста в Супрасле в 1788 г.

Сборник «Альфа и Омега» особенно достоверно отражает процессы взаимодействия московской и югозападнорусской книжности, поскольку являет собой разновидность хорошо известного по множеству славяно-русских аналогов типа компиляции, структурированной и расположенной в тематических главах. Не случайно Ю.А. Лабынцев, характеризуя сборник по изданию Супрасльской типографии, назвал его «подлинной энциклопедией древнерусской литературы» [Лабынцев, с. 213]. Книгу, сведения о литературной истории которой в то время были очень скудными, автор статьи рассматривал в одном ряду с другими древнерусскими сборниками и компиляциями, и, соответственно, в контексте древнерусской книжно-рукописной и литературной традиций. Итоговый (хотя и не до конца завершённый) вариант авторской адаптации текста сборника для московской публикации вполне вписывался в эту традицию.

² РГБ. Ф. 98. № 1429; БАН. Арх. Д. 430.

Литературная история сборников Гедеона закономерно позволяет соотносить его работу с работой древнерусских книжников, как в выборе корпуса источников, так и в композиции созданных компиляций, выстроенных в соответствии с главной целью — прославления благочестия и истинного «росского» православия текстами «не от своего умышления»³, но от Писания и святоотеческого наследия. Гедеон — автор-составитель, редактор, работа которого основана на компилятивности как одном из основных методов литературного творчества средневекового типа. В то же время, как представитель западного мира, получивший основы образования в братской школе, он владел знанием не только церковнославянского языка, но имел представление об основах древнегреческого языка и навык чтения латинских текстов. Обладая некоторыми знаниями о европейской книжной и литературной культуре, он мог оценить и признать возможным обращение в своих трудах к переводам памятников этой культуры, созданным и ходившим в списках в книжных центрах Киевской митрополии, наиболее авторитетным из которых был Острожский литературный кружок с рядом поддерживающих его традиции монастырей. Через посредство трудов этих центров иеромонах Гедеон использовал в своих компиляциях не только памятники традиционного христианского наследия, авторитетные тексты византийских авторов, изданные в Европе, но также и памятники иноконфессиональной латинской богословской традиции.

Каждая глава сборника композиционно выстроена по одной схеме. Текст начинается подборкой цитат из Писания на заявленную в названии тему. Затем следует краткое авторское вступление с обоснованием важности и актуальности этой темы. Далее приводится цикл фрагментов, маркированных и немаркированных, избранных из поучений и толкований отцов церкви, патериков, канонических текстов, памятников древнерусской литературы и сочинений иных авторов. Иногда эти выдержки скреплены авторскими комментариями и пояснениями, иногда последовательно сменяют друг друга.

Перечень источников, которые использованы при создании сборника, обширен и разнообразен. В распоряжении иеромона-

³ АО, 1786. Л. 302; АО, 1788. Л. 684. Здесь и далее текст двух вариантов сборника цитируется с указанием листов по соответствующим старообрядческим изданиям: АО, 1786 — [Гедеон, иером.]. Альфа и Омега. Вильна: тип. Троицкого мон., 1786; АО, 1788 — [Гедеон, иером.]. Альфа и Омега. Супрасль: тип. Благовещенского мон., 1788.

ха Гедео́на были московские издания (Пролог, Требники мирской и иноческой, Кириллова книга и др.), а также древнерусские рукописи, из которых выбирались фрагменты поучений византийских авторов. Закономерно в число источников вошли древнерусские памятники монашеской аскетической традиции, например, выписки из Устава Нила Сорского⁴ или «Сказания о черноризском чине» Кирилла Туровского⁵. Помимо огромного количества маркированных выписок из Писания и святоотеческих сочинений, толковых и канонических текстов, выбранных из рукописей и книг, бытовавших и изданных на территории Киевской митрополии и на московском Печатном дворе, в сборниках игумена Гедео́на обнаруживается довольно много немаркированных цитат и реминисценций. В числе таких «скрытых» текстов можно назвать выписки из книг западнорусских и южнорусских авторов, как напечатанных («Киновион» Леонтия Карповича, Евье, 1618; «Диоптра» Виталия Дубенского, Евье, 1612; Малый Катехизис Петра Могилы, Киев, 1645), так и не изданных еще к тому времени (например, «Алфавит духовный» Исаяи Копинского). И здесь же, в ряду традиционных выписок из поучений византийских авторов, распространявшихся в славяно-русских списках, помещены фрагменты переводов таких текстов, бытовавших в Европе в греческих и латинских рукописях и напечатанных в европейских изданиях, а также excerpts из сочинений, созданных современными европейскими богословами и схоластами. В сборнике цитируются гномологии «Мысли, записанные четверостишиями» Григория Богослова и «Главы, приведенные от книги нарицаемая Рай» Нила (Иоанна Геометра)⁶ [Савельева, 2021b, с. 157–158]; здесь же помещены обширные выписки из созданного в Западной Руси первого церковнославянского перевода трактата Фомы Кемпийского «De imitatione Christi», надписанные именем св. Фомы Малеонского⁷ [Савельева, 2018], а также немаркированные выдержки из трактата Гавриила Филладельфийского «О семи тайнах церковных»⁸ [Савельева, 2022с,

⁴ АО, 1786. Л. 31 об. – 32, 104 об. – 105; АО, 1788. Л. 106–106 об., 272 об.

⁵ АО, 1786. Л. 98 об. – 99; АО, 1788. Л. 256 об. – 257.

⁶ АО, 1786. Л. 141, 170 об., 232, 250 об.; АО, 1788. Л. 353, 419, 544 об. – 545, 577 об.

⁷ АО, 1786. Л. 41 об. – 42, 68, 185–185 об., 206–206 об., 227 об. – 228, 234 об. – 235; АО, 1788. Л. 130 об. – 131, 189 об. – 190, 450 об. – 451 об., 492–493, 535 об. – 536, 550

⁸ АО, 1786. Л. 102, 106, 139 об., 164 об. – 165; АО, 1788. Л. 265 об. – 266, 275 об., 348, 406 об. – 407 об.

с. 183–188]. Каждый из этих текстов имеет свою историю перевода, но все они бытовали в югозападнорусской рукописной традиции.

В первоначальном варианте сборника при цитировании сохраняется язык каждого источника, так что в цитатах присутствует церковнославянский язык как великорусской, так и югозападнорусской редакций. «Проста мова» почти на всем протяжении этого варианта книги использована в предисловиях и заключительных пассажах составителя сборника к главам, его ремарках и связках между цитированными текстами. Таким образом, фрагменты на «простой мове» в какой-то степени служат не только связующими элементами общего повествования, но и своего рода ориентирами в тексте, позволяющими разграничить выписки из разных авторов, что особенно важно в случаях немаркированной цитации. Кроме того, «проста мова» сохраняется в раннем варианте сборника «Альфа и Омега» в цитатах, выбранных из соответствующих изданий Киевской митрополии, полностью или частично напечатанных на этом языке, например, из предисловий к изданиям или комментариев к текстам Писания. На церковнославянском языке великорусской редакции воспроизводятся фрагменты, выбранные из древнерусских рукописей и московских изданий, а также цитаты из переводов острожской традиции, в том числе, изданных в Киеве толкований на новозаветные тексты (*Иоанн Златоуст. Беседы на 14 посланий апостола Павла. Киев, 1623; Иоанн Златоуст. Беседы на деяния св. апостолов. Киев, 1624*), и конечно, текст Библии (Острог: Иван Федоров, 1581 г.), с которой, как правило, совпадают приведенные цитаты из Писания. Эти острожские переводы, сохранявшие и культивировавшие «чистый», «обычный язык московских славянских текстов» [Соболевский, с. 82–91], были авторитетны не только в ВКЛ, но и в Москве.

Все это языковое разнообразие предназначенного для югозападнорусской аудитории сборника требовало унификации. Отвечая на милость и особую привилегию московского придворного общества издать сборник в государственной типографии, западнорусский книжник взял на себя труд трансформировать исходный текст, сделать его доступным для восприятия великорусской аудиторией. Для решения этой задачи он использует разные методы работы над источниками своего сборника. Кратчайшим путем адаптации текста был бы построчный перевод всей компиляции за исключением тех ее частей, которые в таком переводе не нуждались. Однако иеромонах Гедеон прибегает к прямому переводу лишь в тех случаях, когда не видит другого варианта для решения вопроса. Конечно, прежде

всего он стремится избавиться от югозападнорусских языковых признаков в собственно авторских разделах сборника, написанных на «простой мове» или церковнославянском языке западнорусской редакции: Предисловии, Заключение, преамбулах к главам и связках между цитатами. Вот пример одного из таких переводов:

АО, 1786, гл. 13, л. 33	АО, 1788, гл. 13, л. 108 об. – 109
<p>А наипаче в нынѣшня времена многи от Бога и от святой православной вѣры отпадаютъ, бридящеса обширнымъ порядкомъ церковнымъ, албо духовными простаками, албо непозволянемъ в постахъ, албо наипаче вси православные отпадаютъ добродѣтелнаго жития, растлѣющеса. А многии з дворовыхъ з пыхи для свѣта, для славы и приподобана людскаго подупадали, вымышляючи строи в оденю субтелномъ, в дворахъ вымыслныхъ и строяхъ, в еденю презбытие приправныя потравы, в подсканяхъ, уклеканяхъ, в возреняхъ, словахъ, жартахъ и поставахъ; в играхъ музыкальныхъ и костырныхъ, в желпливости, в надутости, в похмелствѣ, в порожней славѣ, в легкомъ уваженю, в уруганю, в звадахъ, во иныхъ розмаитыхъ бытахъ и своеволяхъ, в самомъ собѣ уокханю, в люблени почестѣй служныхъ и приятелскихъ. На остатокъ реку, неподобно всѣхъ зраз пыхы походячихъ выличить, сего ради молю, не гордися ничимъже в мирѣ семь. Вся бо здѣ остануть и в прахъ премѣнятся, ты же тамо самъ единъ, идѣже не будутъ зрѣти ни на саны и величества, но кожды по дѣломъ или муку, или Царство восприметь.</p>	<p>А наипаче в нынѣшни времена мнози от Бога и от святыхъ православныхъ вѣры отпадаютъ, гнушающеса пространнѣйшимъ чиномъ церковнымъ, или духовныхъ простотою, или возбранениемъ в постахъ, а наипаче всѣ православныя добродѣтелнаго жития отпадаютъ, а иновѣрнии, на чистецъ надеючися, растлѣлися. Мнози от сластолюбныхъ з гордыни мирской тщеславия ради и челоуѣкоугодия падають, избобрѣтающе новотворныя одежды и прочая суетная утвари различныя (яже нищихъ обнажиша) в домѣхъ пространныхъ, и зиждителствахъ, излишнихъ в ласкосердыхъ яденияхъ и почествованиихъ различныхъ, в питияхъ магерныхъ со принуждениемъ даже до изумления, в стретенияхъ напыщенныхъ и превозношенныхъ, в позрѣнияхъ и намизанияхъ лестныхъ, въ словесѣхъ суетныхъ, в смѣсѣхъ лицемѣрныхъ и кошунахъ; во играхъ блядотворныхъ различныхъ, умышлению пищалей, и органовъ, в прелюботворениихъ, во киченииихъ, в ласканиихъ, в тщеславияхъ, в легкомыслии, въ наругани, въ сваженни и во иныхъ многообразныхъ превозношенияхъ и самовольствахъ, в люблени почестей и похвалахъ дружбебскихъ и рабскихъ, и славолюбии, в самолюбии, щадении себе. На конецъ реку, невозможно и неподобно всѣхъ злобъ, от гордыни исходящихъ, исчести, сего ради молю тя, не гордися ни в чесомъже в мирѣ семь, вся бо здѣ остануть и в прахъ растлѣются, ты же там самъ единъ отидеши, идѣже не будутъ зрѣти ни на саны и величества, но кождо по дѣломъ или Царство восприметь, или муку, от неяже избави насъ, Господи.</p>

При переводе иеромонах Гедеон не всегда передавал исходный вариант дословно, но чаще либо сокращал и корректировал свой текст, либо (преимущественно в преамбулах к главам) изменял и значительно распространял его. В таких случаях перевод первоначального текста сопровождается его значительной редактурой:

АО, 1786, гл. 50, л. 150–150 об.	АО, 1788, гл. 50, л. 378 об. – 379
<p>Святой пророкъ и царь Давыдъ похваляетъ: «Се нынѣ что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе» (<i>Пс. 132</i>)⁹. «Красно предъ Господемъ и челоуѣки совокупление братии и любовь искреннихъ» (<i>Сирах гл. 25</i>). По похвалы общаго жития знаменитшой (<i>фундаменту</i>) фемы надвыше предложение потреба, але за оскудѣниемъ в послѣднии времена, жебы хто не укориль, не хочю в предсловии вспоминать ничего, заразъ до святыхъ удаюсе.</p>	<p>Предисловие. Церковь святая апостольская православно кафелическая восточная, от Пресвятаго Духа наставляема, в началѣ своемъ основуется общежительствомъ, которое я велико и честно возвещаетъ, ползу его въсьмъ похваляюще сиче: «Се коль добро и коль красно, еже жити братии вкупѣ: о сем бо Господь обща животь вѣчный» (<i>Дамаскин ао Октаи, глас 8, антифон 4</i>). Сими словеси извести, яко сохранившии общежителство истинное, живота вѣчнаго сподобятся. И что паче сего иматъ блаженнѣше быти. Не сохранившии же его суд и казнь по святыхъ свидѣтельству, прияти имуть. Но да извѣстнѣше сие явимъ, тѣхъ и поучения приведемъ.</p>

Отдельные фрагменты текста вообще исключаются из сборника: так, например, в московском варианте сборника «Альфа и Омега» нет авторских ремарок с указаниями на создание Гедеоном «Книги о вере», которые и послужили основанием для атрибуции сборников игумену Бизюкова монастыря [Савельева, 2011, с. 102–105].

Что же касается текстов святоотеческих поучений, приведенных в первой редакции по их югозападнорусским изданиям на «простой мове», то в этих случаях иеромонах Гедеон стремится разнообразить свои методы переработки исходного варианта, подбирая для таких цитат адекватную и авторитетную, с его точки зрения, замену. Наиболее наглядно этот процесс можно продемонстрировать на примере цитации бесед Макария Епитского. В первоначальный

⁹ Здесь и далее в скобках курсивом приводятся глоссы и правка, проставленные на полях.

вариант сборника автор включает довольно обширные фрагменты бесед святого на «простой мове», выписанные из их виленского издания¹⁰. Работая с текстом для московской публикации «Альфы и Омеги», он не переводит эти фрагменты, но заменяет их соответствующими цитатами из церковнославянского перевода бесед Макария Египетского, выполненного литературным деятелем и переводчиком Киприаном Острожским в Дерманском монастыре в 1598 г. [Мицько, с. 37–51, 94–95]¹¹. Список сборника Духовных бесед Макария Египетского в переводе Киприана Острожского, с которым непосредственно работал иеромонах Гедеон, сохранился¹². Текст перевода бесед Макария Египетского сопровождается в этой рукописи острожскими же, возможно, также принадлежащими Киприану, переводами на церковнославянский язык гномологиев Григория Богослова и Нила (Иоанна Геометра), отдельные предложения которых, как упоминалось ранее, вошли в оба варианта сборника «Альфа и Омега». Позднее эти острожские переводы гномологиев использовал Арсений Грек при подготовке текстов к изданию в составе «Анфологиона» [Савельева, 2021b].

Иногда иеромонах Гедеон все-таки прибегает к собственному переводу цитат, заимствованных в первоначальный вариант сборника «Альфа и Омега» из югозападнорусских изданий или рукописей. Так, например, он предлагает свой перевод фрагмента еще не изданного в Москве Малого Катехизиса Петра Могилы¹³ (Киев, 1645):

АО 1786, гл. 48, л. 147	АО, 1788, гл. 48, л. 371 об.
Что есть надѣяние. Надѣя есть правдивая нетривожиная дуфность (<i>и инаго: несумнѣнное упование</i>) в Господѣ Бозѣ через заслуги Спасителя нашего Иисуса Христа одержати забвение вѣчное и всѣ тые рѣчи, о которые Господа Бога з вѣрою згожаючися з волею его святою просимѣ.	Что есть надежда. Надежда есть истинная несумненное упование в Господѣ Бозѣ через услужение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа получитьи спасение вѣчное и вся сия, о нихже Господа Бога с вѣрою по воли его святой просимѣ.

¹⁰ *Макарий Египетский*. Духовные беседы. Вильно, 1627. См., например: АО, 1786. Л. 5–5 об., 9–9 об., 19, 20, 35, 45 об. – 46 об. и др.

¹¹ См.: АО, 1788, л. 64 об., 70 об., 74, 115–115 об., 137 об. – 138 об. и др.

¹² РГБ. Ф. 247. № 50, нач. XVII в.; на л. 9–15 скрепа о принадлежности рукописи Бизюкову монастырю, отчасти записанная рукой Гедеона

¹³ *Могилы Петр*. Собрание короткой науки о артикулах веры... Киев, 1645, л. 63 об. – 65.

Точно также он переводит для московского издания краткую выдержку из Повести о Варлааме и Иоасафе в редакции Варлаама Половки, выписанную из кутеинского издания книги¹⁴:

АО 1786, гл. 49, л. 149 об.	АО, 1788, гл. 49, л. 376 об. – 377
При концы святого Варлаама вспомнимъ. Который для поядана вѣчныхъ рѣчей, дочасныи погоржають, и тые себе за смѣте почитають, абы Христа толко самого позыскали, и все старане на Бога возложивши, надѣю вѣчныхъ добръ себе кормятъ, тыхъ я богатыми быти повѣдаю, а лакомыи богатства до богатства прикладаючи, всегда суть убогими.	При концы святого Варлаама вспомнимъ. Иже желание имѣють к вѣчнымъ, временныя пренебрегающе, и тыя аки умѣты вмѣняютъ, да токмо самого Господа приобрящутъ и все попечение на Бога возложивше, надежду вѣчныхъ благъ себе утвержаютъ, тѣхъ азъ богатыя быти именую, а лихоимцы богатства к богатствомъ прилагающе, всегда суть нищими.

В некоторых случаях, когда Гедеон включает в сборник не прямую цитату из святоотеческого текста, а ее краткое переложение на югозападнорусский язык, в московском варианте он переводит этот собственный реферативный вариант дословно:

АО, 1786, гл. 12, л. 29 об. – 30	АО, 1788, гл. 12, л. 95
Святой Василий на многихъ мѣсцѣхъ пишетъ: Своей воли быти и своего здания во всѣмъ всегда держатися, есть быти неразумнымъ. И инде: Што кольвѣкъ одно з уподобаня воли власной чинить, хотяй быти же и з послушания што чиниль, не годень жадной заплаты.	Святой Василий пишет: Своя воля быти и своего мнѣния и разума всегда держатися, есть неразумие и пагуба. И паки. Что бо кто от своего произволения и воли истовой творить, аще бы и от послушания что дѣяль, недостойнъ никоея мзды.

Особенно примечателен в этом ряду случай перевода фрагментов трактата Гавриила Филадельфийского «О семи тайнах церковных». В югозападнорусской традиции бытовали два кириллических варианта этого сочинения. Первый перевод на церковнославянский язык великорусского извода был создан в 1603 г. в Дерманском монастыре. Именно он появился в Москве в окружении Стефана Внифантьева, а позднее лег в основу работы никоновских справщиков над изданием трактата в составе московской «Скрижали» (1655–1656 гг.). Но на землях ВКЛ получил распространение не этот «чистый» церковнославянский перевод, а его переработ-

¹⁴ История о Варлааме и Иоасафе. Кутеин, 1637, гл. 18, л. 159–160.

ка, распространенная и изложенная «простой мовой» [Савельева, 2022a]. Именно из этого югозападнорусского переложения трактата иеромонах Гедеон выбрал фрагменты для первоначальной редакции сборника «Альфа и Омега»¹⁵. Таким образом, впервые московский читатель познакомился с текстом трактата венецианского богослова по фрагментам его югозападнорусского переложения, которые заново переведены составителем сборника «Альфа и Омега» на церковнославянский язык великорусской редакции.

Иеромонах Гедеон очень избирательно и творчески подходил к созданию редакции сборника для московской аудитории, учитывая свои возможности и отдавая предпочтения авторитетным текстам, когда они были доступны. Об осторожности компилятора говорит критическое отношение к цитированным сочинениям. С одной стороны, в московскую редакцию вошли не все источники, использованные в первоначальном варианте сборника, хотя исключения отдельных цитат единичны и имеют определенную мотивировку. Так, например, из московской редакции сборника исключен краткий фрагмент из 2-й книги (Беседа 1) «Зерцала богословия» Кирилла Транквиллиона. Немаркированная цитата под ссылкой «Инаго», вероятно, выбранная из почаевской публикации книги 1618 г., помещена в гл. 2 «О ангелах» первоначального варианта сборника¹⁶ и опущена в его московском варианте. По-видимому, в данном случае иеромонах Гедеон руководствовался сведениями об отношении в Москве к сочинениям Кирилла Транквиллиона, в которых были отмечены отступления от догматов православия [Опарина, с. 162–172, 367–429].

С другой стороны, московский вариант сборника распространяется по сравнению с его первоначальной редакцией текстами сочинений Киевского митрополита Петра Могилы, авторитет которого в Москве возрастал именно в эти годы. Так, в гл. 14 «О грехе» добавлен раздел «О разделении грехов»¹⁷, выписанный из предисловия Петра Могилы к изданию Номоканона (Киев, 1629, с. 3–6). Но особенно примечательно обращение иеромонаха Гедеона к только что вышедшему изданию Большого Требника Петра

¹⁵ Подробный анализ заимствований текста из трактата Гавриила Филадельфийского и публикацию всех выбранных фрагментов по двум вариантам сборника «Альфа и Омега» параллельно с их югозападнорусским источником см.: [Савельева, 2022c].

¹⁶ АО, 1786. Л. 6 об.

¹⁷ АО, 1788. Л. 116 об. – 118.

Могила (Киев, 1646 г.). Из этого издания в гл. 46 «О начальстве духовных» московского варианта сборника добавлена большая статья «От правил нравоучительных о священстве»; кроме того, в гл. 60 «О распятии Христове» добавлен раздел с толкованием суточного круга богослужения реалиями новозаветной истории¹⁸. Это дополнение примечательно тем, что послужило предвестником использования тех же разделов Требника Петра Могила в составленном позднее Евфимием Чудовским «Учительном известии», которое с 1694 г. помещается в русских печатных изданиях Служебника в качестве приложения [Петровский, 1911]. Любопытно отметить разнонаправленность целей обращения двух авторов к одному тексту. Если Евфимия Чудовского занимают богословско-догматические аспекты свода Петра Могила, которые в конце концов и вошли как практическое пособие в московские Служебники, западнорусского автора в контексте его сборника интересовали исключительно духовно-нравственные качества священника и точность исполнения канонических правил, предписанных ему при отпращивании главного христианского таинства Евхаристии.

Обращение к Требнику Петра Могила было не случайным, это издание сразу получило признание в Москве и сыграло важную роль в становлении московской литургической практики. Требник Петра Могила уже до реформы использовался для создания печатной Кормчей, из него в Кормчую помещен раздел о тайне супружества [Павлов, с. 8–40; Белякова, Мошкова, Опарина, с. 157–158]. Работа над Кормчей началась в сентябре 1649 г., над ней трудились те же справщики, разделявшие позиции Стефана Внифантьева, которые уже работали с «Книгой о вере» западнорусского автора и, судя по всему, должны были курировать второй его сборник; один из них, вероятно, – Шестак Мартемьянов [Савельева, 2011, с. 99–101]. Это был последний сборник, представляющий монастырскую и мирскую аскетическую традицию, следы реальной работы над изданием которого до перемен на московском Печатном дворе сохранились в рукописях. Так же, как и новая для московского обихода «Книга о вере», он сочетал в себе идеи и положения, близкие взглядам Стефана Внифантьева и его сподвижников. О причинах, по которым это издание не осуществилось, можно только догадываться. Возможно, подготовка к изданию была при-

¹⁸ АО, 1788. Л. 353–354 об., 458–459 об.; см.: *Петр Могила*. Требник. Киев, 1646. Ч. 1, с. 3, 5–6, 219–220, 222, 225–227, 229–230, 234.

остановлена в связи с кончиной в 1652 г. Шестака Мартемьянова, но, скорее, после фактической победы позиции «ревнителей благочестия», подтвержденной изданием Службника 1651 г., «Альфа и Омега» с ее архаикой, декларацией нравственных устоев и следования традициям в церковном служении, потеряла свою актуальность, хотя следы ее источников, как уже было сказано, появляются позднее в пореформенных изданиях московской типографии.

На примере работы иеромонаха Гедеона мы можем судить о творческой лаборатории автора, представляющего культурные и профессиональные устои православного сообщества восточной части Киевской митрополии середины XVII в. Можно с уверенностью говорить о том, что духовно-нравственные ориентиры и консерватизм этого сообщества, повлиявшие на труды иеромонаха Гедеона, были сопоставимы с заботами и чаяниями формировавшегося в это же время в Москве кружка «ревнителей благочестия». Наследие Гедеона сыграло значительную роль как в истории становления западнорусской литературы и полемики, так и в истории формирования издательской политики московского Печатного двора, и в целом в богословской и полемической традиции России XVII–XX вв. Сборник «Альфа и Омега», появившийся в Москве в середине XVII в. – это один из первых образцов книги, отражающей особенности работы западнорусского компилятора с многочисленными и разнообразными источниками и в определенной степени дающий представление о репертуаре и круге чтения юго-западнорусского православного общества. Если бы издание сборника «Альфа и Омега» осуществилось в Москве в нач. 1650-х гг., то именно в его составе дошли бы до московской аудитории первые сведения о целом ряде сочинений, хорошо известных и авторитетных в европейском обществе и получивших впоследствии признание в России. Творческий и продуманный подход составителя сборника к введению своего труда в круг чтения московской аудитории был продиктован его стремлением изложить свой материал в ясной и доступной форме, не нарушив при этом границ и профессиональных рамок, сохранив иерархию в обращении к трудам отцов церкви и современных богословов и максимально затенив свое («простеца») участие в формировании свода аргументов для подтверждения истинности православной веры и православного служения.

В лице Гедеона мы видим западнорусского автора, который имел достаточный уровень образованности, чтобы понять необхо-

димось корректировки текста для нового адресата. Стремясь представить свой труд московским читателям, воспитанный на авторитетных изданиях острожского кружка (являвших собой лучшие образцы текстов на церковнославянском нормированном языке), Гедеон проявил себя и как редактор, и как переводчик с еще нового, непривычного для московской литературной традиции языка.

Литература

- Андреев А.А.* Печатные издания Служебника и Требника в Москве в первой половине XVII в.: вопросы состава // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 35. С. 66–115.
- Белякова Е.В.* Издание Кормчей Книги и проблема смены культурной ориентации // Российская история. 2011. № 4. С. 103–113.
- Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию. М.; СПб., 2017.
- Казанцева Т.Г.* Глава 16 «Книги о вере». К вопросу об источниках // Рукописи XVI–XXI вв.: Исследования и публикации. Новосибирск, 2013. С. 23–44.
- Корзо М.А.* Украинская и белорусская катехитическая традиция конца XVI–XVIII вв. М., 2007.
- Лабынец Ю.А.* Памятники древнерусской книжности и литературы в старообрядческих изданиях Супрасльской типографии (XVIII в.) // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 209–215.
- Мицько І.З.* Острозька слов'яно-греко-латинська академія. Київ, 1990.
- Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998.
- Павлов А.С.* 50-я глава Кормчей Книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887.
- Петровский А.В.* Учительное Известие при славянском Служебнике // Христианское чтение. 1911. № 4. С. 552–572.
- Савельева Н.В.* Неизвестный западнорусский автор иеромонаха Гедеон, игумен Бизюкова монастыря, и московское книгопечатание середины XVII века // Книжная старина. Вып. 2. СПб., 2011. С. 82–131.
- Савельева Н.В.* Неизвестный перевод трактата «De imitatione Christi» Фомы Кемпийского в западнорусском сборнике XVII века // Славяноведение. 2018. № 2. С. 65–82.
- Савельева Н.В.* К вопросу об истории текста и источниках авторских компиляций «Книги о вере» иеромонаха Гедеона // Представления о прошлом в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск: Апостроф, 2021. С. 26–49 (Савельева, 2021а).
- Савельева Н.В.* К истории текстов московского Анфологиона 1660 г.: Главы... от книги Рай и Четверострочия Григория Богослова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. 18(1). С. 147–186 (Савельева, 2021б).
- Савельева Н.В.* Споры о единогласном пении и московское издание Октоиха 1649 года // Русская литература. 2021. № 4. С. 65–77 (Савельева, 2021с).

- Савельева Н.В.* История московского перевода трактата Гавриила Филадельфийского «О семи тайнах церковных». Исследование и тексты. М.; СПб: Альянс-Архео, 2022 (Савельева, 2022a).
- Савельева Н.В.* О литературном наследии «ревнителей древнего благочестия» // Русская литература. 2022. № 1. С. 161–176 (Савельева, 2022b).
- Савельева Н.В.* Трактат Гавриила Севира, митрополита Филадельфийского, «О святых семи тайнах церковных» в славянских переводах XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3(89). С. 180–192 (Савельева, 2022c).
- Соболевский А.И.* История русского литературного языка / подгот. А.А. Алексеев. Л., 1980.
- Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994. С. 64–82.